

Я здесь - и не совсем здесь, или совсем не здесь

Смена - С-178 - 1995 - 26 окт - 45

ОН родился и жил в Одессе, после школы приехал в наш город, его сразу принял Театральный институт (тогда - по имени ЛГИТ-Мик). Учился на курсе Игоря Петровича Владимирова, вся его актерская жизнь (уже двадцать лет) идет у Владимирова в театре, ныне - Открытом. Сейчас ему сорок два. Не надо быть астрологом, чтобы считать: впереди у него еще основательный путь.

Бог создал Мигицко весьма отличным от иных прочих. По всем статьям. Большой, длинный. Осанка, лицо - особенные. Описывать не стану, смотрите фотопортрет. Хотя что смотреть. Теперь Сергея Мигицко знают, вероятно, все в Петербурге. Он много работает, много сделал. Прежде всего в театре. Но и в кино, на телевидении. При этом хотя бы относительного богатства не нашёл. Вообще, сдается, это не его удел.

Вы можете вдруг встретить его в сквере у ЮЗСа. Там он выгуливает своего любимого рыжего кота. Беспородного. Приносит в сумке и водит на поводке ошейником. Только не вообразите, что вот и вся семья. У Сергея Григорьевича дети, жена. Как у людей. Хотя сказать такое про него вряд ли верно. Раз он ни на кого не похож, кроме самого себя, значит, и все у него идет по-своему. Скорей всего по-своему непросто. Но я-то о другом.

Можно было думать поначалу, что Мигицко, так сказать, чисто комический актер. Однако этот вывод поспешен и неверен. Чувство юмора, правда, - важнейший строительный материал его ролей. Но не единственный.

Лучшие сценические работы Мигицко - упрямый труд с целью избежать первого, прямого, банального смысла, который так манит к себе. К труду этому по-

Целиком уходят в эту работу, своего рода умолет роли. Так, увы, порой идет дело у одаренных. Что же говорить о других!

Отважный Мигицко упорно, из роли в роль (исключения есть, скажу) бьется, чтобы дать своему герою долгое дыхание, протяженность судьбы, грунт единого и дальнего смысла.

Из сравнительно новых созданий назову хотя бы Генри (спектакль "Ты, и только ты"). Но остановлюсь на Островском, то есть знаменитых "Талантах и поклонниках". Мигицко в постановке их играет Великатова, роль трудную и по сию пору отчасти загадочную.

Сначала Великатова репетировал другой актер. Потом, видно, режиссеру Олегу Левакову пришла благая мысль взять на эту роль человека с юмором. И "очень богатый помещик" Великатов оказался способен всякую минуту разглядеть смешную сторону в

нашей выправка. Как-никак "отставной кавалерист". Он и сейчас, вероятно, любит вскочить на коня и помчаться по долам и весям.

Неожиданность: постоянно как бы слегка скованный. Вот история! Великатов - богатый, ужасно богатый человек; сам молодец, и хозяйство в лучшем виде. А все же не расчетливый приобрета-

помощь. Но тот был недалекий и самохвал. Сценический же Великатов сдержан и, похоже, умен.

Разговаривает он славно, просто. Взгляд обычно как будто беглый, даже слегка отрешенный, словно бы немного поверх голов (этому, ясно, способствует рост самого Мигицко). На миг взгляд делается пристальным и цепким. Потом снова отдаляется - и пошел учитывать не только здешнее, близлежащее, но и другое, то, что отсюда не видно, но что есть, участвует в строении жизни.

ренного кармана пиджака складную зрительную трубку, стал рассматривать в нее и то, что поблизости, и дальний кособогор, церковь за ним. Опять он только отчасти в том, что рядом. Но когда пошел разговор о Негиной, включился вовремя, вполне. И тут же решил что-то для себя важное. Что именно, зрители скоро узнают.

Под конец Великатов молча, серьезно развел руками, проходя мимо Мелузова, который только что навсегда расстался с Негиной. Не знаю, как другие, но я вполне способен поверить: Великатов Мелузову в какой-то степени сочувствует. Сам, мол, бывал во всяких передерягах. Жизнь есть жизнь. Подарить счастье равномерно всем не может и Великатов.

подкинуть ему шуточки, сценические хохмы. Чтобы, не дай Бог, не заскучал. Так бывает и в "Талантах и поклонниках". При первом знакомстве с Мелузовым Великатов держит его руку и трясет ее сверх всякого положенного времени. В другой сцене начинает вдруг быстро опускаться и подниматься на цыпочках.

Иногда встречаются у нашего актера целые роли, слепленные из бойкости и шутовства. Сдают нервы, одолевают сомнения, которые решаешь заглушить быстрой и хлесткой игрой. Подозреваю, что самоуверенности в Мигицко еще меньше, чем у его Великатова.

Но не за эти же уступки любим мы Мигицко! Зная, как сложна в

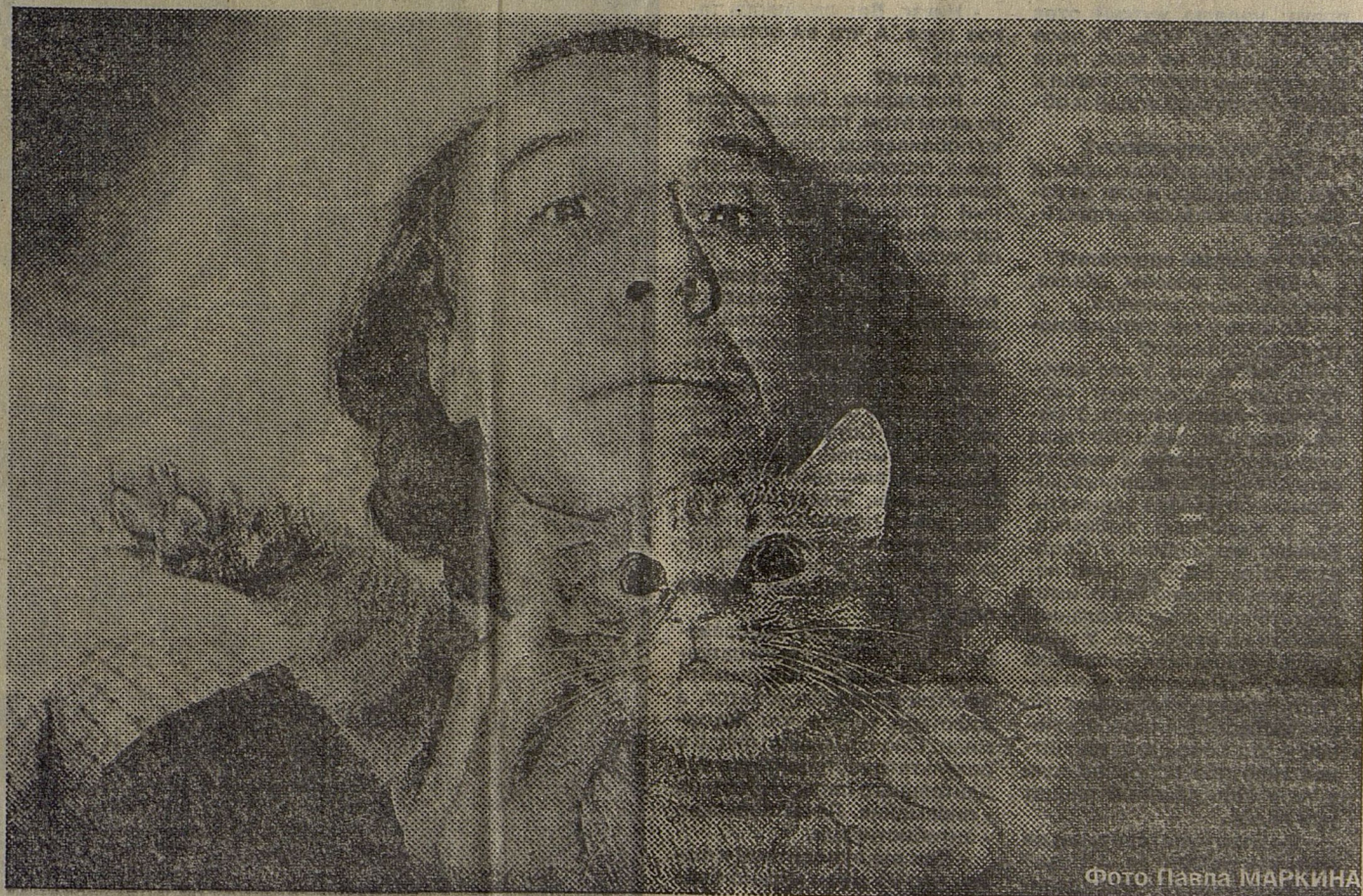

Фото Павла МАРКИНА

Отважный Мигицко
упорно, из роли в роль бьется,
чтобы дать своему герою долгое
дыхание, протяженность судьбы,
грунт единого и дальнего смысла

буждает талант, беспокойство духа, вера в то, что даль и глубь есть, бывают, должны быть.

Подобно каждому истинному актеру, он строит свои создания из бегущего времени. Сценическое время стремится, ведет вперед, вдале. Но как часто нынче актеры на сцене, навалившись всем, чем могут, отбивают куски текста, эпизоды роли - как гвозди. Один вбил, другой, третий.

других. И в самом себе тоже. Юмор деликатной пропорции мелькает во внимании и отчуждении, пристройках и отталкиваниях, движениях - и застываниях на месте. Иной раз смешок прячется в подчеркнутой неспешности появления или ухода.

Нисколько нет обычной для сцены великатовской массивности, самоуверенной прочности, ничего такого. Есть особо обозначен-

тель, не корыстный ловец душ. Твердит же он у Островского про свою "врожденную робость". Выходит, напорядок в жизни бывает не только у нас, всем ветрам открытым, но и у, казалось бы, всемерно защищенного субъекта. Смотря на этого Великатова, я вспомнил купца из другой, более ранней пьесы Островского. Купец потерялся в своем огромном доме и вошел растерянно, звал на

Видите, из Мигицко и Великатова, Великатова и Мигицко получился интересный человек. Приоткрыта лишь часть его. Нам есть на чем сосредоточиться, во что всмотреться. Это, понятное дело, куда занимательней, чем следовать за короткими толчками, остроящими актера, целиком вбитого в каждый отрывочек роли.

Во втором - по Островскому - действии Великатов вынул из внут-

У актера постоянно выходит "здесь, сегодня, сейчас" - как иначе работать на сцене? Но одновременно и не совсем здесь, а иногда и совсем не здесь. Потому что жизнь шире и загадочнее того, что легко до конца обозначить, нарисовать, подать.

Иногда Мигицко, может быть, безотчетно испугавшись своего замаха, спохватывается и кидается ближе к зрителю, торопится

наши дни театральная жизнь, сколько затруднений и помех со всех сторон, сколько искушений легких, коротких путей, я радуюсь творческой отваге Сергея Григорьевича Мигицко. "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой". Сколько бы ни набиралось враждебных обстоятельств и как бы ни наступали на того, кто в бой пошел.

Евгений КАЛМАНОВСКИЙ